

ПЕРСОНАЛИИ

АНАТОЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ СУХОТИН

Анатолий Константинович родился 20 октября 1922 года. Доктор философских наук, профессор, один из основателей и первый декан философского факультета ТГУ, автор 115 научных публикаций, в том числе восьми книг, среди которых «Парадоксы науки», ставшая своего рода бестселлером. Впрочем, подавляющее большинство наших читателей наверняка знают Анатолия Константиновича, его имя вряд ли нуждается в представлении. Нам хотелось услышать его мнение о том, как он живет и работает, что ценит, к чему стремится.

Нам представляется самым главным увидеть не только Сухотина-ученого, но и человека, многого добившегося в жизни и в то же время восприимчивого к чужому мнению, доброжелательного, внимательного к собеседнику. Анатолий Константинович – уникальный собеседник, от беседы с ним мы получили большое удовольствие, хотим разделить его с читателями и представить наиболее интересные фрагменты беседы.

– Анатолий Константинович, как начиналось Ваше вхождение в науку?

– Я окончил школу в 1941 году в начале войны, а мобилизовали меня уже позднее. Я был призван в Красную Армию 27 августа 1942 года. После окончания курсов младших командиров воевал до 45-го года. В конце войны я был, правда, дважды ранен и демобилизовался из госпиталя. Второе ранение оказалось тяжелым, в госпиталь я уже попал основательно, вышел из него поздно осенью и поступить мог только в Красноярский пединститут. Ну а потом у меня мечта была поступить в университет. В Томском университете я закончил историко-филологический факультет по отделению филологии. В выборе сыграло роль то, что до призыва на войну работал учителем истории в школе, хотя сам только что закончил школу. Поэтому я так соображал: более или менее историю я знаю, тогда филологией (смеется) буду заниматься. Потом, по окончании, меня Павел Васильевич Копнин пригласил в аспирантуру.

– Как Вы познакомились с Копниным?

– Я писал диплом по Гейне у доцента Николая Александровича Гуляева, который преподавал зарубежную литературу. Он, скорее всего, и посоветовал Павлу Васильевичу взять меня в аспирантуру. Потом я сделал доклад на философском студенческом кружке – так мы и познакомились.

– В каком совете Вы защищали кандидатскую?

– Тогда было так. Был Израиль Менделевич Разгон, опальный профессор, и многие другие, например профессор Лев Дмитриевич Тарасов. Разгон организовал междисциплинарный совет, где защищали и по истории, и по философии, и по филологии. Он потом долго работал.

– Как Вы вышли на емкость знания и гносеологический анализ?

– Идея появилась после книги математика Андрэ Кондорсе. В книге «Эскиз исторической картины мира» высказывается такая мысль: наука сохраняет себя в процессе своего развития. Но сохраняет так,

что новые истины не отменяют старые. Их берут, но в преобразованном виде, и поэтому развитие идет дальше, как бы сжимаясь. А потом я уже у Гегеля нашел окончательную формулировку. Это его идея уплотнения знания, уплотнения на основе идеи отрицания. Отрицание не зряшное, не уничтожающее, а снятие, то есть с сохранением старого. Тут я вышел уже на теорию информации, информационной единицы знания. Это проблема избыточной информации. Собственно, трудность освоения информации не в ее количестве, а в количестве знаков, которыми она представлена. Поэтому одну и ту же информацию можно представить более кратко и более пространно. По этому поводу у Лейбница есть хорошее замечание: добиваться нужно того, чтобы выразить максимум знаний в минимуме протяжения. Я сове-

товался с Павлом Васильевичем. Он одобрил мою тему.

Копнин уже уехал из Томска, и я работал один. Константин Петрович Ярошевский занимался вопросами истории философии. Я обозначил проблему уплотнения знаний. Термин не очень, конечно, научный, скорее, наукообразный. Но потом он вошел в литературу, прижился как проблема емкости знания.

Собственно емкость – это и есть вместимость знания. Тут я отправлялся от идеи Декарта. Есть у него такие изопериметрические теоремы, показывающие, что одни геометрические фигуры более вместимы, а другие – менее. Круг, например, использует, в частности при ограничении какой-то площади, наименьший периметр, чем все другие фигуры. Это как-то подтверждало, что можно и к знанию подходить таким образом. Что, собственно, есть знание? Ведь это, с одной стороны, сама информация, а с другой – знаки языка, представляющие эту информацию. По-другому, есть информация и сигналы, ее несущие. Поэтому можно, расчлняя информацию на содержание и средства ее выражения, достигать за счет процедур уплотнения и минимизации более емкого выражения знаний.

– Тогда у Вас и появился интерес к математике, и пособие «Философия математики» оттуда берет свое начало?

– Наверное, причиной было то, что мне поручили читать лекции на мехмате и надо было связывать философию с математикой. Я стал читать работы и мне очень понравилось. Математика – особая наука, совершенно выделяется из всех наук. В этом смысле математика близка философии как чисто абстрактному мышлению. Я стал работы по математике и физике изучать, накапливать.

Мы на кафедре организовали курсы лекций по математике, астрономии, физике. И вот, в частности по математике, нам читал Михаил Романович Куваев, у нас потом даже практические занятия были. Мы занимались математическими операциями, интегрировали, дифференцировали. Куваев – человек, интересующийся философией, у него в лекциях есть философские выходы. И я, конечно, с ним очень много разговаривал. Кроме того, с Феликсом Петровичем Тарасенко тесно общался.

Потом он мне подарил свою книгу с надписью: «Анатолию Константиновичу, с которым у нас много пересечений по научной работе». Однажды, выступая в Доме ученых на совещании, он сказал: «Вот теория информации. Мы, физики, я, в частности, занимаемся формальной стороной средств ее выражения, а вот Сухотин занимается содержательной стороной информации». Меня это как-то вдохновляло, поскольку физики одобряют, принимают.

Потом с физиком Евгением Ивановичем Чеглоковым советовался. Он, кстати, читал у нас на кафедре.

Вот так от преподавания, чтения лекций я вышел на идею подготовки учебного пособия.

– Как установилось сотрудничество с издательством «Эврика»? Как получилось, что книги были изданы на 10 языках?

– На девяти, точно. Было так. Как-то в газете «Красное знамя» меня попросили выступить. Я написал там об идее уплотнения знания. Это получило отклик. Я написал небольшую книгу «Наука. Информация». Ее тоже заметили, перевели на немецкий, но под другим названием «Наука: мир для себя и мир для всех».

Книги замечали и переводили на другие языки. А потом у меня возникла идея написать книгу «Парадоксы науки». Приехал в Москву, пришел в «Эврику». Я написал пробную главу по моей любимой теме «Метод обобщающей переформулировки задач». Она понравилась. Книгу напечатали. Потом перевели на 7 языков. Я к этому не имел никакого отношения. Они меня сами высмотрели. Одним из первых был как раз перевод на немецкий язык, потом на польский, болгарский, чешский и даже на китайский.

– Как бы Вы определили жанр книги «Научно-художественные пересечения»?

– Как научно-популярный. У меня три направления. Первое – чисто научное, это докторская: «Гносеологический анализ емкости знания». Второе – «Философия в математическом познании» и «Философия математики» – это учебные пособия по методологии науки. А третье – научно-популярные книги в издательстве «Эврика»: «Парадоксы науки», «Ритмы и алгоритмы» и «Превратности научных идей».

– Однажды Солженицын сказал, что Бог дает мне долголетие для того, чтобы писать. Смысл такой, что надо писать, чтобы жить?

– Отведено время, значит, пиши. Да и это все-таки интересно. Я и лекции люблю читать. Даже, когда нет лекций, как-то ждешь их. Есть у кого-то из математиков такая мысль: «На свете есть две прекрасные вещи – это изучать математику и преподавать математику». Во всяком случае, я испытал одну из прекрасных вещей, такую как изучать математику. Я так считаю, что делиться информацией, это тоже дело и творческое, и интересное.

– Долгое время существовала кафедра философии. Кому пришла идея развиваться дальше, открывать факультет и что получилось?

– Кафедра была при историко-филологическом, когда ею заведовал Павел Васильевич. Но мысль эта существовала, она вначале и была реализована опять же Копниным – он организовал философский факультет, набор провели, но, к сожалению, он просуществовал только год, потому что не было квалифицированных преподавателей, только он и Константин Петрович. И тогда эту набранную группу перевели на исторический факультет.

Это была первая попытка где-то в конце сороковых – начале пятидесятых. Вторая попытка была принята министерством в семидесятых, но почему-то

на кафедре к этому отнеслись прохладно, и все заглохло. На третий раз попытка удалась. Томск был пятый город в России, даже в Союзе, где был открыт философский факультет. Я думаю, когда выбирали, где открывать, Егор Кузьмич Лигачев сказал свое слово.

Мы были вынуждены ограничиться самыми общими специальностями, то есть диалектикой и теорией познания – она в специальности нашего ученого совета. Мысль-то была и другие специальности открыть: мне думалось, логику, конечно, надо, которую и я когда-то читал. Историю философии надо обязательно ввести, что это за философский факультет без нее. Но пока специалистов таких не было, сейчас, правда, появился профессор Валерий Александрович Суровцев.

– А как Вам видятся более гуманитарно ориентированные специализации – философская герменевтика или семиотика?

– Видите ли, эстетика, философская антропология, религиоведение, философия культуры, науки и техники, теория и история культуры и ее производные – эти специальности у Юрия Владимировича Петрова на культурологическом факультете, а на нашем, думаю, надо идти в направлении подготовки специалистов по логике и по философским вопросам естествознания.

– Сейчас много говорят о судьбе, о книгах Василия Васильевича Налимова. Как бы Вы оценили, Ваша судьба – именно философия?

– Мне нравятся его книги, его статьи в философских журналах. «В поисках иных смыслов» – замечательная книга. У меня, в общем-то, не было такого желания быть философом. Я в такой среде рос, что не приходили эти идеи, но поскольку так получилось, то я сейчас уже не мыслю какие-то другие пути, не жалею ни о чем, рад, что Павел Васильевич меня вымотал и определил мою дальнейшую дорогу. Мне нравится, конечно, в философии далеко не все, а эти вот разделы – методология науки, научное творчество, я этим и занимаюсь.

– Что Вы можете сказать о современном стиле философствования – часто тяжеловесном и наукообразном. Многие диссертанты говорят, что в этом и есть суть философии. Так ли это?

– Нет, мне думается, что это не очень хорошо. Иосиф Дицген говорил, что одни пишут так, чтобы понятное сделать непонятым, а другие пишут, чтобы непонятное сделать понятным, вот мне больше нравится, чтобы трудное, непонятное сделать понятным. Я посылал новосибирским коллегам книгу по философии математики, в их рецензии есть такая фраза – «потрясающая популярность», то есть написано понятно, хотя вещи там сложные – философ-

ское обоснование математики. Видимо, когда сам поймешь, тогда и сможешь говорить, но не говорить, пока сам не поймешь – это у Гете есть: (текст по-немецки) «Говори только то, что знаешь, и знай хорошо то, что говоришь». Это очень ценный совет. У Эйнштейна есть такая фраза: «Знал, знал и наконец понял», однако знание – это один уровень. Я вижу три вообще уровня этого движения от знания к пониманию. Следить за текстом, улавливаешь – это первый уровень; второй уровень – воспроизведение текста – это сложнее, можно знать, а воспроизвести не сможешь; а третий уровень – это способность опровергнуть текст.

– Вы пользуетесь такими средствами, как Интернет, электронная книга? И пишете Вы на компьютере или ручкой? Много ли и что читаете?

– Нет, я воспитывался не так. Вот Антон, внук, помогает мне, когда надо, из Интернета литературу выискивает. «Вопросы философии» изучаю основательно, поэтому я в курсе происходящего в философии и науке. Некоторые книги, например, Налимова, я, конечно, читаю.

Считаю, что когда пишешь на машинке – это чужой текст, и мне кажется, что это своего рода отчуждение, а вот когда от руки – это твое и поэтому стараешься.

– Вы следите за тем, как Вас цитируют?

– Нет. Вот внук нашел мою книгу «Парадоксы науки» в Интернете и спросил, почему только одна моя книга там. Я говорю: «Не знаю. Я за этим не слежу». Александр Александрович Зенкин меня недавно вымотал. Он специалист-математик, но работает в области истории техники и сочетает это с изучением искусства. Написал мне письмо. В Интернете теперь будет еще моя книга «Философия математики».

– Вы пишете стихи. Может быть, это из того, что осталось нереализованным?

– (Смеется.) Нет, тут у меня таланта нет – написал как-то на день рождения Людмиле Григорьевне. Горький когда-то говорил: «Хоть убей, не напишу стихов», хотя ведь есть у него стихи... Нет, надо иметь особый талант, фантазии какие-то. Не знаю, что тут сказывается, мне нравится сама работа над стилем, я придерживаюсь такой системы работы, такой методы: первый вариант – это писать все, что придет в голову, не раздумывая, – важно изложить мысли, а потом уже компоновка и отделка стиля. Так я обычно работал и нашел у Льва Николаевича Толстого, что вот так надо – сначала все, а потом идет отбор. Правда, сейчас я как-то «настрополил» (смеется) писать: с первого варианта получается и стиль и все – потом мало правлю, чтобы это было написано понятно, популярно и более или менее оригинально.

Благодарим Вас, Анатолий Константинович, за согласие побеседовать с нами. Желаем Вам успехов в осуществлении Ваших планов!

Н.Н. Витченко, А.Ю. Рыкун